

ПУЛЕМЕТЪ

Гексть и темы

Н. ШЕБУЕВА.

ЕГО РАБОЧЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО ПРОЛЕТАРІЙ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

Спичечная фабрика.

О, не ходи туда! Тамъ вѣетъ смерти холодъ,—
Онъ труннымъ запахомъ въ твою ворочется
грудь.
О, не ходи туда: ты такъ безумно молчишь,
Бѣжи отъ этихъ мѣстъ, забудь о нихъ, забудь.
Проклятая нужда костюмово рукою
Тебѣ къ дверямъ фабричнымъ указала путь,
Ты у порога ихъ со страхомъ и тоскою,
Не смейся роковой черты перешагнуть.

Гладишь на этихъ дѣвъ; у нихъ въ болочкахъ
И груди вальныя, и челюсти дрозды.
И щекъ мертвые, крошачище зубы,
И этого взгляда тупой, безъ жизни взглядъ...
Безстрастный труахъ влѣтъ безъ слезъ, безъ
просьбы, безъ вѣры...
Все въ жизни кончено,—возврата нѣтъ назадъ:
Онъ отравленъ отравой атмосферы,—
Нанеешь фосфоромъ и стрѣй этого ах...

Чу, кашель слышится! Всѣ жизненные соны,
Все вѣсто фабрикой: веселые юмашъ лѣтъ,
Веселый блескъ очей и розовый щекъ,
И серебряный смѣхъ, и ласковый призывъ...
А что оставлено? Всплыви на тыла рѣс.
Увидишь ли въ онахъ нѣтъ жизненный расцвѣтъ,
Покривишь ли ты мѣтъ, что эти дѣвъ—дѣти,
Что взрослыхъ мало здѣсь, а старухъ всею
нѣтъ!..

О, не ходи туда! Ты такъ безумно молчишь,
Бѣжи отъ этихъ мѣстъ... Забудь о нихъ, за-
будь...
Чу кашель слышится. Тамъ вѣетъ смерти холодъ.
Онъ съ труннымъ запахомъ въ твою ворочется
грудь.
Проклятая нужда костюмово рукою
Тебѣ къ дверямъ фабричнымъ указала путь,
Ты у порога ихъ со страхомъ и тоскою...
Остановись!.. Не смей перешагнуть!..

ПУЛЕМЕТЪ ШЕВУЕВА.

Они.

(Писано въ тюрьмѣ).

Они это ты, кто засадилъ меня въ тюрьму
за первый номер Пулемета.

— Ты не знаю какъ ихъ зовутъ.

Да и не все ли равно, какъ ихъ фамилии:
Дурново, Побѣдоносцевъ, Сипелгинъ, Плева,
Г-жа фонъ-Штвейнъ, Врѣшнинъ, Юванъ Крон-
штадтской, Даржанора, Бабешино или даже самъ
графъ Виттъ.

Они пожелали скрыть свое имя. Пусть.

Но фактъ тотъ, что день выхода Пулемета
окинулся какъ лободъ. Они послали ко мнѣ
шестерыхъ дежурныхъ мужчинъ, изъ которыхъ
каждый ногъ бы меня безъ труда попомнилъ на
обѣ лопатки, и одну женщину, приказали
привести въ моей квартирѣ дебоша, а меня
самого славить и швертуть въ тюрьму.

— Какъ? А мои свободы!

— Тамъ вамъ покажутъ ваши свободы!..

Меня не было дома. Мы съ женой верну-
лись около двухъ часовъ. Дебошъ былъ уже
въ полномъ разгарѣ.

Часть моей квартиры была обезумлена.
Оставился кабинетъ.

Четырѣ мужички въ полицейской формѣ
шли себе коррекцию. Они проваляли дебоша
въ чужой квартирѣ, по всѣмъ правиламъ науки
галантино, извиняясь за причиненное беззакон-
ство.

— Они насъ послали. Мы творить всего
пославились.

Я былъ тоже галантней:

«— Очень радъ... Это очень любезно съ ва-
шей стороны, что вы обратили вниманіе именно
на мою квартиру.»

— Не потрудитесь ли раздѣсть?

— Съ удовольствіемъ. Это тоже они вамъ
велитъ!

— Конечно... Вы и брочки потрудитесь
снять.

Они раздѣли меня до-поя, погладили по
животу. Непристойности личности еще не
включи за собой непристойности живота.

Подползли по барамъ. Сняли брочки. По-
третили ихъ.

— Хорошенько трясите! Ахъ Пулеметъ
вывалится!

Павъ мужички безъ формъ и безъ ильня
предостойнѣ въ качествѣ почиталъ и оказыва-
лись по справкамъ дворниками сосѣдняго
дома, даже отшарканившись отъ мошка брочку,
испугавшись моего взгляда.

Женщина, сидѣвшая въ приложей и оказыва-
вшая тоже почитъ,—богобоженно перекрест-
чилась.

Они прислали сюда съ полицейскими и
дворниками эту женщину, чтобы она раздѣла
и обыскала мою жену.

Но мне не удалось раздѣть мою жену. Полицейскій на-слово посяривъ ей, что она не обѣднѣна Пулеметамъ.

Наконецъ въ половинѣ третьего ночи они мене усладили на извѣочина и повели въ тюрьму.

Въ камерѣ одиночнаго заключенія мене опять обсыпали. Раздѣли. Сняли брюки. Отняли подтяжки:

— Чтобы вы не по-вѣселись на нихъ.

Они боятся, что я пошлусь на подтяж-кахъ!

Дурново, Побѣдоносцевъ, Сипягинъ, сенаторъ Марковичъ, Плеве, г-жа фонъ Штейнъ, Булгагинъ, Треповъ, Кривошлякъ, Вабенко, или самъ графъ Витте, — я не знаю кто именно, но кто-то изъ нихъ офе-вдимо болелъ, что я буду сниться болтающагося на старожено

сохраняющему резиновомъ шкурѣ подтяж-кахъ.

Спите спокойно, гг. Дурново, Побѣдоносцевъ, Сипягинъ, сенаторъ Марковичъ, г-жа фонъ Штейнъ и другіе.

Я не собираюсь умирать прежде, чѣмъ не увижу исполненіе честнаго слова графа Витте о четырехъ свободахъ, честнаго слова, о которомъ 19-го октября я читалъ въ Вѣдомостяхъ Государственнаго.

Да и съ чѣмъ въ самомъ дѣлѣ мнѣ умирать, когда на бумажкѣ, которую мнѣ выдали въ тюрьмѣ, я значусь политическимъ преступникомъ!

А развѣ я политическій преступникъ, меня освободятъ. Я горючо вѣрю, что рано или поздно придетъ настоящая амнистія, а не такая игрушечная, которую намъ преподнесутъ. И тогда меня освободятъ.

И такъ я не намерѣюсь кончать жизнь самоубійствомъ. Да если бы и былъ намерѣнъ, нашелъ бы способъ постетачивать подтяжкахъ.

Я могъ бы заколотись стѣариновой сѣйчкой, которая достаточно остра пока не оборветъ ей конецъ.

Я могъ бы изъ мѣхища чернаго хлѣба выдѣлать мечъ, высушить его подъ кроваткой и имъ отрубить себѣ буйну голову.

Вѣкъ выдѣлать же и себѣ подсѣвички! И не дурно выдѣлать.

Выкопать мечъ изъ чернаго хлѣба,—какой богатѣйшій символъ.

Развѣ не мечемъ, выковылявшимъ изъ чернаго хлѣба, коорудились сейчасъ 24 губерніи!

Развѣ не этого страшнаго меча боятся сейчасъ они, посылая генераловъ, адмираловъ съ пулеметамъ...

Да, я могъ бы покончить съ собой. Я могъ бы прерватиться въ политическаго героя.

Мое тѣло они скрыли бы, какъ скрыли тѣла героевъ 18-го октября, и похоронили бы подъ сурдулку, какъ похоронили тѣхъ четырехъ жертвъ четырехъ свободъ.

А со временемъ надъ моей могилкой, быть можетъ, поставили бы лампачикъ и ваши дѣти.

Побѣдоносцевъ, сенаторъ Марковичъ, г-жа фонъ Штейнъ и другіе, быть можетъ, придутъ рѣвнѣе пося сѣмъ его...

Никъ, я не хочу умирать, чтобы не доставить этого удовольствія даже внукамъ вашимъ!

А между тѣмъ во мнѣ говоритъ восяе не вѣдѣе, не злобленіе. Я не злобленъ. О, если бы вы посмотрѣли, какъ хохочу и сейчасъ, сидя въ этой мрачной камерѣ.

Пять шаговъ въ длину и три въ ширину, этого пятнадцать квадратныхъ шаговъ.

О, если бы я умѣлъ сосать квадратными лапами, въ моемъ распоряженіи было бы цѣлыхъ 15 шаговъ,—какой просторъ!

Но я умѣю ходить только простыми, линейными шагами,—пять туда, пять назадъ. Это скучно, но я все-таки хохочу.

— Ха-ха-ха! Послѣ дарованія „всеобщей, равной, прямой и законной“ амнистіи я сѣлаюсь политическимъ преступникомъ!

Какое малое преступленіе долженъ былъ и совершить, чтобы попасть въ тюрьму въ то время, когда изъ нея, по указанію графа фонъ Витте, выпущены даже тѣчѣйше политическіе преступники!

Да, я совершилъ государственное преступленіе.

И запечаталъ въ Пулеметѣ, что они обтуржились и заморожили циркулярными наму вѣсую, и наглядно показавъ, какъ они запятнали кровью манифестъ 17-го октября, и обманулись какъ въ томъ, что они виноваты въ оскорбленіи Веллчства—я „оскорбилъ“ ихъ.

И вотъ теперь они посадили меня безъ суда и слѣдствія въ тюрьму за „оскорбленіе Веллчства“...

Я оскорбилъ ихъ ничтожествомъ, а меня будутъ судить за оскорбленіе Его Веллчства!...

Развѣ не смѣшно, развѣ не

Страшный суд.

Творец И. Д. Ситкин и К^т. обратили на политическое значение, употребляя картину на тему русско-японской войны, но стараясь вырваться из-под гнета гражданской политической картины, смысл которой здесь исторический.

Наполеон — это человек, держащий — правдиво.
 Сидящий на троне — Пётр Великий.
 Рядом: Дрозд, Маршал, Ермаков, Митрофан, Мисюков, Сибирь, Ташкент, Черноморье.

Старый, Владимир.
 Пророк, Святослав, Меркурий.
 Иван, Сергей.
 Юрковский, Шашинский, Вельтер и Зайцев.
 Ветлаевский, Тарас Феликсович,
 Юрков на левой ноге: Гринюта, Мещеряков,
 Александров: Степан, Третьяк, Гринюта, Кур-
 ковский, Рюкминский.

Гибельная Земля Жизнь Помощь Сила Силы

Климовский: Булатов.
 Давыдовский: Протасов-Васильев.
 Степанов: Тихонов, Шварц, Долгов.
 Востряковский: Кошкин.
 Черновский: Горюхов.
 Черновский: Иван, Корниловский.
 Востряковский: Пана, Сапожников.
 Мученик: Востряковский.

Центр картины имеет значение, представляющее собой пространство Ветла. На одной ноге стоит человек молодой, на другой — молодой.
 Ветла не знает бы за эту сторону шагу проложить свои слабости, но отбрасывает.
 На голове человека идут золотые, серебряные, рабочие, стальные, металлы.
 На колени у Ситкина — забастовщики.

Полу-Мадонна.

Какъ не жмите вы соска,
Не добьетесь молока!..

Дама пріятная во всёхъ отношеніяхъ.

- Зачѣмъ вы, сударыня, столько за корсетъ подкладываете?..
- Не могу передъ Европами безъ бюста показаться...
- Да... Но зачѣмъ такъ много краснаго?. Послушайте меня, старика, выбросьте все красное... Вамъ предстоитъ большой мошонъ... Вспотѣете... Красное полиняетъ, потечетъ... Помните, что своя рубашка ближе къ тѣлу...

Страничка изъ дѣтской книжки.

ГЛУПЕНЬКІИ МАЛЬЧИКЪ.

(СКАЗОЧКА ДЛЯ ДѢТЕЙ)

Жиль-былъ глупенькій мальчикъ. Онъ не берегъ своихъ игрушекъ. Онъ не умѣлъ въ нихъ играть. Какъ станетъ играть, такъ что-нибудь сломаетъ.

Пришелъ мужикъ страшный, страшный. Онъ увидалъ, что у мальчика всѣ игрушки переломаны. Взялъ мужикъ розгу и выскѣкъ мальчика больно, больно. А когда съѣкъ приговаривалъ: — Не ломай игрушекъ! Не ломай игрушекъ!

Теперь мальчику не только играть, а и сидѣть больно.

Вотъ, дѣтки, не будьте глупенькими. Берегите игрушечки. А не то и къ вамъ придетъ мужикъ съ розгою.

ПУЛЕМЕТЪ ШЕБУЕВА.

Марсельеза.

— Вставай! Поднимайся, рабочий народ!

Н. Г. Шебуевъ, принимаетъ отъ 12 до 1 часа дня (Ковенскій, 14) въ тѣ дни, когда не сидитъ въ тюрьмѣ.

Объявленія въ Пулеметъ принимаются по 5 рублей за строчку петита.

Высылаются наложеннымъ платежѣмъ слѣдующія книги Н. Шебуева: 1) Негативы изъ „Руси“; 2) „Безъ предвѣрительной цензуры“,—35 юмористическихъ разсказовъ (изданіе второе съ иллюстраціями И. М. Гравовскаго); 3) „Жизнь въ присяжку“ — альманахъ; 4) „Кронштадтскія письма“; 5) „Японскіе вечера“; 6) Негативы изъ „Русскаго Слова“. Цѣна каждой книги 1 рубль.

Теллографы С.-Петербургскаго Товарищества Печатаемо и Издательскаго Дѣла „Труда“. Фонтана, 56.

Benetke
Library
Folio
547
2